

Земля наша велика и обильна

рѣша роуси . чю . и словеси . и крики . и вси . земля
наша велика и обильна . а на радостей наших да
поудѣте оумъ и смѣхити . и болодѣти :

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается

Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

*Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Георгия Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша*

Ответственный редактор:

С. В. Белецкий

Редколлегия:

Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна...», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладogi и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Содержание

<i>В. А. Лапшин.</i> Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения.....	5
<i>Л. А. Губчевская.</i> «Заповедный» — значит «особо хранимый»	8
<i>Л. М. Всевиов</i> (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова.....	11
<i>А. А. Александров.</i> «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи)	14
<i>С. В. Белецкий.</i> Геральдические подвески X–XI вв.	30
<i>Р. Брузис.</i> Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии	50
<i>Ю. А. Виноградов.</i> О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии	61
<i>К. В. Горлов, Н. В. Григорьева.</i> Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладogi	66
<i>Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина.</i> Изборская крепость в первой трети XIV в.	70
<i>Т. Н. Джаксон.</i> О природных чудесах Исландии	84
<i>А. Н. Егорьков, А. В. Плохов.</i> Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища	91
<i>И. И. Еремеев.</i> Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом	99
<i>М. М. Казанский.</i> О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы	113
<i>С. Ю. Каинов.</i> «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения)	125
<i>О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова.</i> Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты	140
<i>А. А. Кищук, О. В. Овсянников.</i> Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского	156
<i>Л. С. Клейн.</i> Спор о варягах как пережитое	183
<i>Н. Б. Крыласова.</i> Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае	201
<i>Ю. А. Кулешов.</i> Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии)	215

<i>А. А. Купранис.</i> О древнерусских весовых эталонах	241
<i>А. В. Курбатов.</i> Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным	245
<i>В. А. Лапшин.</i> Первые строители Петербурга	258
<i>П. А. Миляев.</i> Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада	267
<i>К. А. Михайлов, А. А. Пескова.</i> Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова)	286
<i>Е. Р. Михайлова.</i> Двушипные наконечники копий из Которского погоста	298
<i>А. Г. Панкратов.</i> Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси	312
<i>В. Я. Петрухин.</i> Вещий Олег и «могила в Ладогe»	322
<i>Н. И. Платонова.</i> Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии»)	332
<i>А. И. Сакса.</i> «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в.	343
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин.</i> В поисках захоба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г.	358
<i>Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева.</i> Новая находка из старых раскопок	379
<i>В. Ю. Соболев.</i> Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли	384
<i>П. Е. Сорокин, П. А. Васин.</i> Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья	395
<i>Р. Спиргис.</i> Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв.	405
<i>С. В. Томсинский.</i> Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля»	424
<i>С. Н. Травкин.</i> Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века	433
Сокращения	439

К. А. Михайлов, А. А. Пескова
(Санкт-Петербург)

Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова)¹

Полвека назад вышел из печати знаменитый монографический труд А. Н. Кирпичникова, посвященный древнерусскому доспеху и комплексу оборонительных средств древнерусского воина IX–XIII вв. (Кирпичников 1971). В нем впервые максимально полно были представлены научному сообществу находки древнерусского защитного вооружения домонгольского периода — кольчуг, доспехов, шлемов, защитных масок и наручей. Среди опубликованных материалов свое место нашли и археологические находки из раскопок древнерусского города у с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл. Украины. Этому памятнику, который исследовался совместной экспедицией ЛОИА АН СССР и ЛГУ во главе с М. К. Каргером, отождествившим его с летописным городом Изяславлем (Каргер 1965),² Анатолий Николаевич посвятил восемь полевых сезонов (1957–1964 гг.). А. Н. Кирпичников, будучи постоянным участником экспедиции, вскоре после ее завершения полностью изучил и типологизировал огромную коллекцию предметов вооружения из раскопок городища, насчитывающую свыше 1500 предметов. Это целостное исследование не было своевременно опубликовано³, однако большинство городищенских находок, в том числе кольчуга и шлем из раскопок 1959 г., были включены в соответствующие разделы свода древнерусского оружия (Кирпичников 1971: 12–14, 29–30, № 28–29, 68).

Обратить внимание на находки боевых средств защиты воина нас заставила обновленная древнерусская экспозиция, открытая в 2018 г. в Государственном Эрмитаже, где в центре одной из витрин экспонируется отреставрированная боевая

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00753 «Большое Шепетовское городище: материалы и исследования (результаты раскопок М. К. Каргера 1957–1964 гг.)».

² В настоящее время отождествление этого городища с летописным Изяславлем оспаривается рядом исследователей, и в первую очередь на основании результатов раскопок, проведенных на территории находящегося поблизости от городища современного г. Изяслава, где был обнаружен культурный слой, синхронный городищенскому (Никитенко и др. 1985; Никитенко 1999).

³ Не потерявшая актуальности рукопись А. Н. Кирпичникова о комплексе вооружения из раскопок городища у с. Городище близ Шепетовки в настоящее время подготавливается к печати.

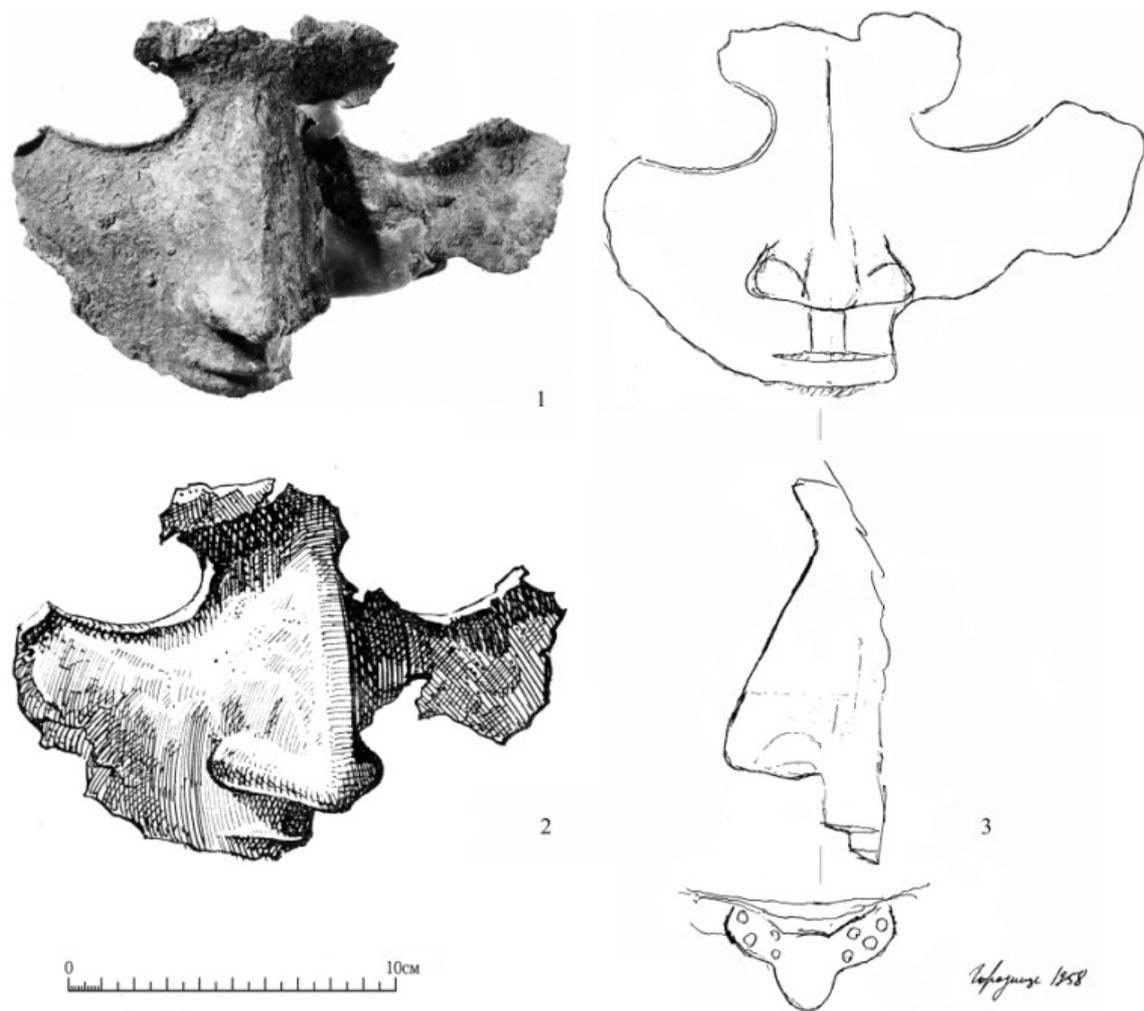

Рис. 1. Железная маска из раскопок Шепетовского городища: 1 — фото по негативу из архива ИИМК РАН (I 54213); 2 — рисунок из каталога 1983 (по: Миролюбов 1983: 26, кат. № 21); 3 — рисунок из личного архива А. Н. Кирпичникова

маска из раскопок городища. Ее внешний облик, как оказалось при внимательном рассмотрении, несколько отличается от того, который демонстрировался на полностью построенной на городищенских материалах временной выставке 1983 г. и был опубликован в каталоге «Древнерусский город Изяславль» (Миролюбов 1983: 24–26, рис. 21, кат. № 21).

Маска представляет собой антропоморфный рельефный пришлемный наличник — своеобразное художественно оформленное забрало, которое крепилось к шлему и закрывало лицо воина. Размеры маски в настоящее время 12,5 × 12,8 см, на 1960–1970-е гг. они составляли 15 × 11 см (Миролюбов 1983: 26, кат. № 21). На фотографии 1960-х годов из архива ИИМК РАН и на рисунке из каталога выставки 1983 г. видно, что верхняя часть лба, окантовка глазниц и брови, а также нижние края маски частично повреждены, частично утрачены (рис. 1, 1–2). Сохранились скулы, щеки, нижние части окантовки глазниц овальной формы, выступающий прямой нос, узкий сомкнутый рот. Носовые отверстия закрыты пластиной, в которой проделано восемь круглых отверстий для дыхания. Современное состояние

Рис. 2. Железная маска из раскопок Шепетовского городища (современное состояние); фото К. А. Михайлова

видимому, в процессе реставрации) инвентарный номер, с городищенским детинцем (в 1958 г. экспедиция работала только на детинце)⁵. Оказалось, что основная часть маски (ГД-58/2561) была обнаружена около крайней южной клетки юго-восточной оборонительной линии детинца, второй фрагмент (ГД-58/2675) был найден на значительном расстоянии — в 35–36 м к СЗ от первого и несколько позже. Скорее всего, именно этот фрагмент в виде небольшой пластины подпрямоугольной формы реставраторы первоначально расположили на левой скуле маски, а при повторной реставрации перемонтировали ее, расположив на месте левой щеки и подбородка, при этом в обоих случаях ее края недостаточно плотно стыкуются с краями маски (рис. 1–2)⁶.

К вопросам, связанным с функциональным назначением, датировкой и культурной интерпретацией антропоморфных масок-забрал неоднократно обращались А. Н. Кирпичников, Н. В. Пятышева, М. В. Горелик, И. Л. Измайлов, Э. Е. Кравченко, С. А. Плетнева, П. П. Толочко и ряд других исследователей (Кулешов 2009: 156)⁷.

⁴ Благодарим А. Н. Кирпичникова за предоставленную возможность ознакомиться с материалами из его личного архива.

⁵ Железную маску удалось найти в полевой описи 1958 г., где она записана под двумя номерами: ГД-58/2561 (кв. П в круге 32, гл. 0,2–0,4 м) и ГД-58/2675 (кв. Ж в круге 17, гл. 0,2–0,4 м). В каталоге 1983 г. (Миролюбов 1983: кат. № 21) указан ошибочный инвентарный номер. Имеются в виду инвентарные номера экспедиционной описи, составленной в ЛОИА АН СССР еще до передачи коллекции в Эрмитаж.

⁶ Так как место находки пластины расположено на значительном расстоянии от места находки маски, нельзя исключать и того, что она принадлежит другому предмету.

⁷ Краткая информация о маске была также опубликована в разделе 6 и на рисунке 20 в интернет-публикации П. Васина и А. Лемешко «Личины» на сайте «Тоже Город» и затем

маски отличается одной, но важной деталью. С нее исчезла часть окантовки левой глазницы и часть скулы, которые были зафиксированы на рисунках и фотографиях 1960–1970-х гг. В то же время сегодня на маске на месте левой щеки находится железная пластина трапециевидной формы, примыкающая к левому крылу носа (рис. 2). Понять, какой же облик маски был первичен, помог полевой рисунок из личного архива А. Н. Кирпичникова (рис. 1, 3)⁴. На нем исследователь изобразил маску с целой окантовкой левой глазницы и левой скулой, но без части левой щеки, которая появилась, вероятно, позже, при повторной реставрации. На рисунке обозначен и год находки — 1958 г., что помогло локализовать ее на плане городища — связать эту находку, утратившую с годами (по-

В последнее время особенно скрупулезно маски рассмотрены в работах Ю. А. Кулешова, который учел в Восточной Европе девять подобных масок и несколько деталей от них (Кулешов 2009; 2009а, 2014). Исследователь разделил их на две условные группы: «обезличенные» и «высокохудожественные (антропоморфно-реалистичные)». Городищенская маска обоснованно отнесена им ко второй группе вместе с находками из с. Ковали, Серенска, Херсонеса, у с. Липовец в Краснодарском Крае и в Поросье. К этой группе, по мнению Ю. А. Кулешова, принадлежат также находки фигурных ушей-фиксаторов, изготовленных из медного сплава, при помощи которых маски крепились к шлему. Подобные фиксаторы были найдены на городище Старая Рязань и у с. Леднево в Юрьеве-Польском р-не Владимирской обл. (Кулешов 2014: 195–197).

На Шепетовском городище находки ушей-фиксаторов не выявлены, отсутствует и купол шлема, к которому когда-то крепилась эта маска. Хотя среди значительного количества находок неотрибутированных железных пластин, зафиксированных в полевой описи (около 50 только в 1958 г.), могут оказаться и фрагменты искомого купола шлема. В этой связи следует отметить, что в полевой описи под номером ГД-58/2561, где первоначально была записана «железная маска», что соответствует действительности и рисунку А. Н. Кирпичникова, рядом теми же чернилами эта запись была исправлена на «шлем», что тоже соответствует действительности, если рассматривать маску как неотъемлемую часть шлема. Видимо, именно такой позиции придерживался руководитель экспедиции М. К. Каргер. У А. Н. Кирпичникова по этому поводу в перечне шлемов находим следующую запись: «маска из Городища (№ 23) найдена в обломках; при ней, возможно, имелся шлем описанного здесь типа [тип III]» (Кирпичников 1971: 29, прим. 65).

Основная дискуссия, связанная с масками-забралами, ведется вокруг их датировки и культурной принадлежности. Часть историков относит маски к черноклобуцким или древнерусским древностям и датирует XII — первой половиной XIII в. Другие исследователи связывают такие маски с золотоордынским вооружением конца XIII — XIV в. В своих последних работах Ю. Э. Кулешов склоняется к их поздней датировке и считает, что основным местом производства антропоморфных масок-забрал могли быть оружейные мастерские золотоордынского Крыма (Кулешов 2009: 156–160; 2009а: 165–173; 2014: 195–202).

На наш взгляд, отнесение городищенской маски к «высокохудожественной» группе восточноевропейских антропоморфных масок-забрал вполне правомерно, так же, как и расширение границ бытования этой группы доспехов до конца XIII — XIV в. В то же время, их золотоордынское происхождение до сих пор недостаточно аргументировано и вызывает сомнения.

Второй значимой находкой из набора защитного вооружения является шлем с обломками боевой полумаски (рис. 3–4)⁸. А. Н. Кирпичников, относящий шлемы

переопубликована на сайте «Китаб Хона (колодец знаний)». Иллюстрации здесь даются без ссылки на авторов, одна из них является фотографией из Научного архива ИИМК РАН, другая – авторская реконструкция, наложенная на рисунок А. Н. Кирпичникова 1958 г. Текст (с), 2000-2002 П. Васин («Княжеская Дружина», Ст. Петербург), А. Лемешко («Тоже Город», Ст. Петербург). http://www.kitabhona.org.ua/libwar_armor/lichina.html; <http://tgorod.ru/index.php?topgroupid=2&groupid=7&subgroupid=31&contentid=224>.

⁸ Инв. экспедиционный номер ГП-59/9348 (фрагменты шлема и полумаски были записаны под одним номером).

Рис. 3. Полумаска из раскопок Шепетовского городища; фото из архива ИИМК РАН (№ О 2571.2)

обнаружен сотрудниками экспедиции в 1959 г. к северу от юго-западных ворот города, в южной части западной оборонительной линии клеток посада. Единственная реконструкция этого шлема была сделана, очевидно, вскоре после полевых работ и зафиксирована на снимке, хранящемся в научном архиве ИИМК РАН (рис. 4). Следов упомянутой «серебряной платировки» на сохранившихся очень сильно корродированных фрагментах этого шлема в настоящее время мы не обнаружили. Фрагментов второго шлема, на котором могла бы присутствовать искомая деталь, нам также найти не удалось ни в описях, ни в фондах.

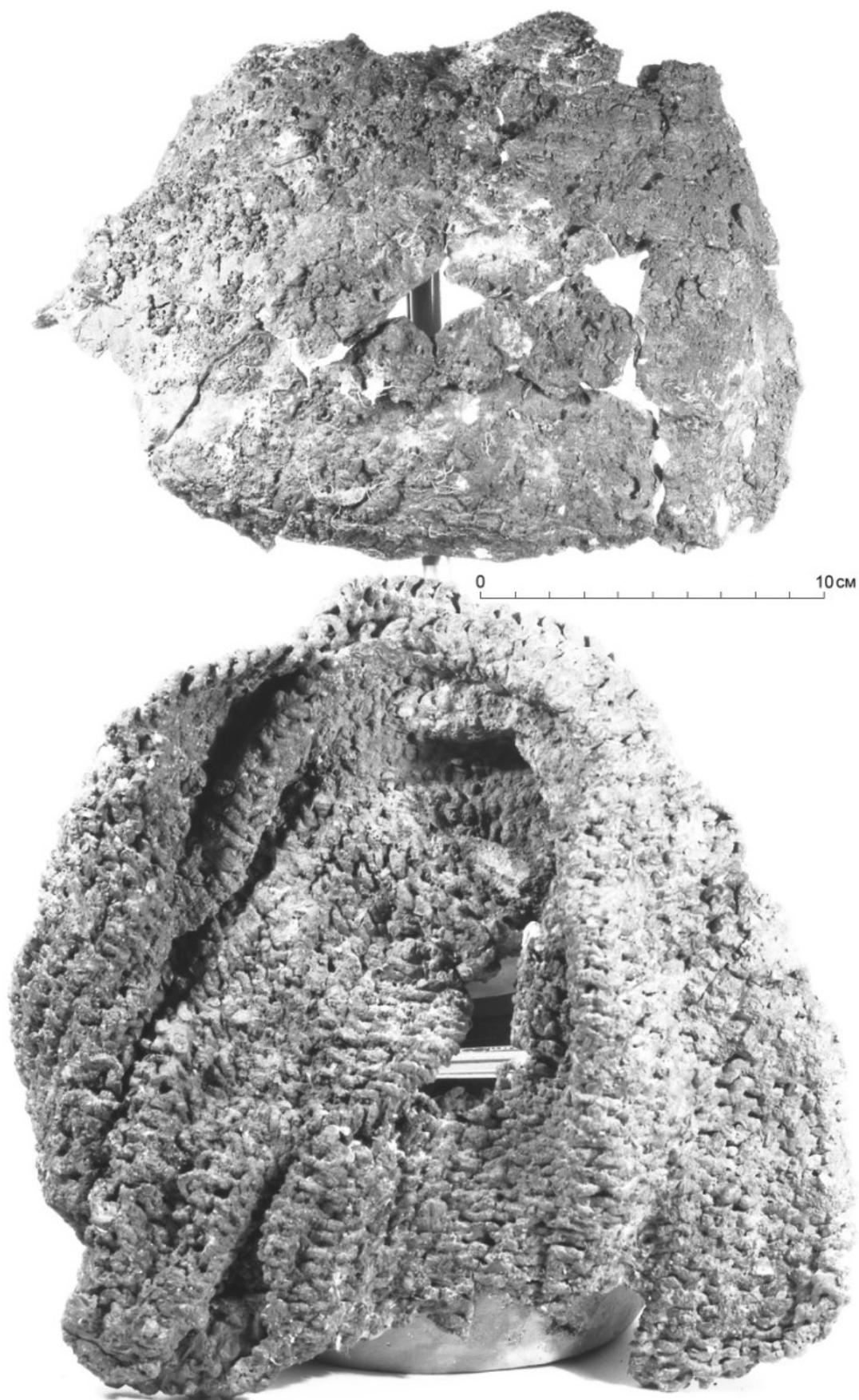
Вместе со шлемом в ходе раскопок были найдены фрагменты уже упомянутой полумаски, кольчужная круговая бармица от шлема, кольчуга, меч и целый комплекс вооружения, который получил в отчетах обозначение как комплекс «павшего русского витязя» (Каргер 1959: 11; Кирпичников 1966: 30, № 28–29). От шлема сохранились шесть крупных и около десятка мелких обломков пластин купола, круговая бармица из мелких колец и наносник-полумаска, состоящий из двух обломков. На момент раскопок не только шлем, но и сама полумаска оказались разбиты на несколько частей, а нижние дуги полумаски, очерчивающие глаза, утрачены. Полностью сохранился характерный анатомический наносник и верхние надбровные дуги с фрагментами лицевой пластины шлема, видимой с обратной стороны полумаски (рис. 3). Полумаска, на наш взгляд, первоначально могла представлять собой Т-образный глубоко профилированный анатомический наносник, переходящий в профилированные же дугообразные брови. Безусловные следы ярко выраженных нижних дуг сегодня визуально не обнаруживаются, хотя края дуг и кончик наносника имеют изломы. В настоящее время полумаска склеена из четырех фрагментов и заметно деформирована. Точное определение конструкции городищенской полумаски, к сожалению, будет возможно только после проведения реставрационных работ.

Шлемы из Шепетовского городища и их детали постоянно вызывают интерес специалистов-оружиеведов. Предлагаются и новые реконструкции имеющихся

с полумаской к типу IV, писал: «Безусловно, к шлемам данного типа относятся два сильно поврежденных экземпляра из Городища (№ 28–29); один найден «на воине в кольчуге, павшем с мечом в руках в воротах городка» (Кирпичников 1971: 30). В приложении-каталоге находок автор упоминает те же два шлема: «оба [шлема] в обломках, на одном следы серебряной платировки» (Кирпичников 1971: № 28–29). К сожалению, автор, по не зависящим от него обстоятельствам, не смог тогда опубликовать рисунки этих находок.

В фондах Эрмитажа нам удалось ознакомиться с фрагментами лишь одного шлема. Согласно данным полевого отчета, он был

Рис. 4. Шлем и бармица из раскопок Шепетовского городища; фото по негативу из архива ИИМК РАН (П 78841)

находок. Так А. Е. Негин, сомневающийся в том, что на Шепетовском городище были найдены два шлема типа IV, опубликовал мало аргументированную реконструкцию шлема 1959 г. с куполом, имеющим рифленую поверхность и гладкий околыш (Негин 2013: 60–61).

Круг находок шлемов этого типа за последние десятилетия значительно расширился. В последней обобщающей работе С. Ю. Каинова и Ю. А. Кулешова рассматривается 21 экз. находок боевых шлемов с полумасками и отдельных находок полумасок в Восточной Европе. Исследователи выделяют две конструктивно-хронологические группы Т-образных глубоко профилированных анатомических наносников, переходящих в профилированные же дугообразные брови. Они считают, что, благодаря новым находкам, бытование шлемов с полумасками можно расширить со второй половины XII до третьей четверти XIV в. Первую (раннюю) группу, в которую входят экземпляры из Вщижа, Свислочи и Диброво, отличает превышение ширины полумаски над ее высотой и то, что в фас верхняя часть полумаски имеет форму, близкую к овалу. Еще одной особенностью внутри первой группы авторы считают различные формы носа. Полумаски бывают как со слабо изогнутым или клювовидным кончиком носа, так и с прямым (Каинов, Кулешов 2014: 94). Маски второй (поздней) группы появляются только после середины XIII в. Их отличие состоит в том, что в фас верхняя часть полумасок имеет форму усеченного овала или трапеции со сглаженными углами, а также то, что у поздних полумасок ширина и высота равны, или же высота превышает ширину. Исследователи не исключают, что за подмеченными отличиями могут стоять две технологические традиции (Каинов, Кулешов 2014: 94–95).

Городищенскую находку из-за плохой сохранности сейчас уже трудно уверенно отнести к той или иной группе восточноевропейских боевых полумасок. Ее наиболее важные детали оказались обломаны или скрыты под коррозионной коркой. Но так же, как в случае с антропоморфной маской, предположительное время бытования полумаски расширяется, как минимум, на весь XIII в.

Кольчуга, как и шлем с полумаской, также была найдена в комплексе воина, обнаруженного к северу от юго-западного проезда в город. В разделах свода, посвященных доспехам, А. Н. Кирпичников коротко сообщает о находке одной целой кольчуги и девяти обрывков (Кирпичников 1971: 12, рис. 2, 7, № 68)⁹. Единственное изображение кольчуги вместе с обломками шлема, полумаской и мечом удалось найти в альбоме иллюстраций к полевому отчету за 1959 г., хранящемуся в архиве ИА РАН в Москве¹⁰ (Каргер 1959: табл. XVIII–XXX), на котором мы видим бесформенный массив, состоящий из множества крупных и мелких, «спекшихся» между собой фрагментов. В настоящий момент кольчуга, хранящаяся в фондах Эрмитажа, представляет собой то же самое, на первый взгляд бесформенное, скопление фрагментов корродирующего металла. Однако при ближайшем рассмотрении в этом массиве можно разглядеть складчатую структуру, указывающую на то, что в процессе археологизации кольчуга подверглась сильной деформации по ее длинной оси (рис. 5). При визуальном знакомстве с остатками кольчуги была обнаружена часть

⁹ Инв. экспедиционный номер ГП-59/ 9347.

¹⁰ В аналогичных отчетах М. К. Каргера, находящихся в Санкт-Петербурге и в Киеве, такой фотографии нет.

одного из рукавов, в котором находился фрагмент человеческой плечевой кости. На фотографии из отчета удалось разглядеть часть древнерусского энколпиона, который оказался вплавлен в складки кольчуги и в таком виде сохранился до настоящего времени. На момент находки вес всех обломков кольчуги с прикипевшими к ней обломками составлял около 21 кг. Исследователь пришел к выводу, что кольчуга была сплетена из плоских колец диаметром 15–16 мм, на которых были желобчатые углубления¹¹. В приложении-каталоге к своду А. Н. Кирпичникова, помимо целой кольчуги и около 90 плоских колец диаметром 15–16 мм, включая пять обрывков, упоминаются еще четыре кольца диаметром 7,0–8,5 мм и «ок. 55 колец, включая 4 обрывка» диаметром 11–13 мм (Кирпичников 1971: 12, рис. 2, 2, № 68).

В инвентарных полевых описях экспедиции за 1957–1964 гг. нам удалось найти упоминания о 35 находках отдельных кольчужных колец, которые были обнаружены в разных частях памятника. Визуальное ознакомление показало, что среди них есть как цельные, так и склепанные сквозными заклепками. Большая часть колец относится к круглопроволочным, но около трети — к плоским кольцам с радиальными желобчатыми углублениями на лицевой поверхности.

Вдоль западной оборонительной стены посада было найдено несколько человеческих останков с оружием, однако только один из них оказался найден вместе с комплексом защитного доспеха и нагрудным крестом-реликварием (энколпионом) *in situ*. Хотя на территории городища в целом, где были обнаружены сотни человеческих скелетов, предметы личного благочестия, в том числе и кресты-энколпионы, не однажды были зафиксированы рядом с человеческими костяками или при разборке костиц (так, в экспедиции М. К. Каргера обозначали груды разрозненных человеческих костей и костей животных). Данный случай, несомненно, исключительный, сопоставимый, разве что с обнаружением в 1985 г. останков русского воина, погибшего под развалинами Цесисского замка (Латвия). Поверх шейных позвонков воина археологи обнаружили перламутровый нательный крестик, среди находившихся рядом с ним разнообразных вещей — остатки кошелька с 61 русской мелкой серебряной монетой. Анализ стратиграфии участка и археологических материалов вкупе с историческими источниками позволил Р. Спиргису прийти к выводу, что найденные останки имеют точную датировку — сентябрь 1577 г., время финального штурма замка воинами армии Ивана Грозного (Спиргис 2017: 564–565, рис. 3, 4). Уникальность находки состоит в том, что перламутровый крестик и другие предметы из раскопок 1985 г. на территории Цесисского замка в прошедшие десятилетия неоднократно публиковались, но не были в свое время оценены должным образом (Спиргис 2017: 565).

На Райковецком городище — памятнике, оставленном жителями этого древнего городка вследствие военного нападения и катастрофического разгрома в середине XIII в. (как и городка близ Шепетовки), тоже было найдено много предметов вооружения и средств защиты воина, в том числе, две целые кольчуги и «одна кольчуга, деформированная огнем и превратившаяся в жгут металла», и шлем «возле скелета, лежащего у ворот детинца» (в клети) (Гончаров 1950: 41–42, 96–97, табл. XV). О находках предметов личного благочестия около погибшего воина в данном случае ничего не сообщается, однако в целом при раскопках Райковецкого городища было обнаружено 35 нательных крестиков из металла, камня, янтаря, перламутра и

¹¹ Сведения из личного архива А. Н. Кирпичникова.

23 креста-энколпиона (Гончаров 1950: 145–146). Это вполне сопоставимо, учитывая размеры городищ, с соответствующими материалами из раскопок Шепетовского городища — 35 нательных крестиков из различных материалов и свыше 40 (с фрагментами) крестов-энколпионов¹².

Крест-энколпион, имеющий непосредственное отношение к комплексу «вितязя» на Шепетовском городище, тоже по-своему уникален. Он удивительным образом прошел незамеченным (?) исследователями в процессе раскопок, но сохранился до наших дней в груди происходящих из этого комплекса фрагментов кольчуги. Он не был записан ни в полевой, ни в инвентарной экспедиционной описи, однако оказался зафиксирован на фотографии, запечатлевшей бесформенные остатки кольчуги (рис. 5). Крест, наполовину уходящий в монолитную толщу большого ошлакованного куска кольчуги, почти незаметный с первого взгляда, при внимательном рассмотрении фотоотпечатка всё же достаточно хорошо различим.

Визуальное ознакомление с находкой в фондах Гос. Эрмитажа¹³ показало, что это был отлитый из медного сплава небольшой крест-реликварий, сохранившийся полностью, с закругленными концами, дополненными парными выступами-«слезками», с граненым, слегка уплощенным оглавием, покрытый толстым слоем окислов (рис. 6). В месте примыкания створок креста к кольчуге сохранился небольшой фрагмент обуглившейся (?) ткани. Размеры энколпиона: 6,0 (9,0 с оглавием) × 5,4 × (0,6–1,0) см, одна из верхних петель оборотной створки повреждена. На лицевой створке, несмотря на коррозию, отчетливо видно рельефное изображение Распятия с рельефным же выделением Крестного дерева, на гладких боковых и верхнем концах створки едва угадываются следы изображений, выполненных углубленными линиями. На гладкой оборотной створке с трудом просматриваются центральное изображение Креста, по-видимому, восьмиконечного, и буквы в медальонах на концах створки, выполненные углубленными линиями с последующей инкрустацией. На лицевой грани оглавия также видны едва заметные следы углубленных линий, указывающие на то, что и оно могло быть орнаментировано. Буквы прочитываются только в одном из боковых медальонов [N]H, что свидетельствует о наличии здесь стандартной для таких энколпионов надписи IC XC NH KA. В целом данный крест можно уверенно отнести, даже до проведения реставрационных работ, к группе широко распространенных на Руси в конце XII — первой половине XIII в. рельефно-черневых крестов-энколпионов (группа III.2.4 по каталогу: Корзухина, Пескова 2003: 127–132, табл. 72–75).

Группа крестов-энколпионов III.2.4 (Распятие — Крест) представляет собой упрощенный вариант, производный от крестов группы III.2.3 (Распятие — Богоматерь). Они довольно многочисленны, суммарно крестов этих двух групп в настоящее время известно около 150 экземпляров. Створка с Распятием в основных чертах является одинаковой, общей для тех и других крестов. Однако небольшое количество крестов в обеих группах выделяется большими размерами (около 6 × 5 см) по сравнению с остальными крестами (около 5 × 4 см). Отличаются они и

¹² Оба памятника были раскопаны полностью: площадка Шепетовского городища внутри валов и рвов 3,6 га, площадка Райковецкого городища 0,3 га, с валами и рвами — около 1,25 га (Гончаров 1950: 18).

¹³ Благодарим за помощь в ознакомлении с находками из состава воинского комплекса С. В. Томсинского и А. Ю. Чуракову.

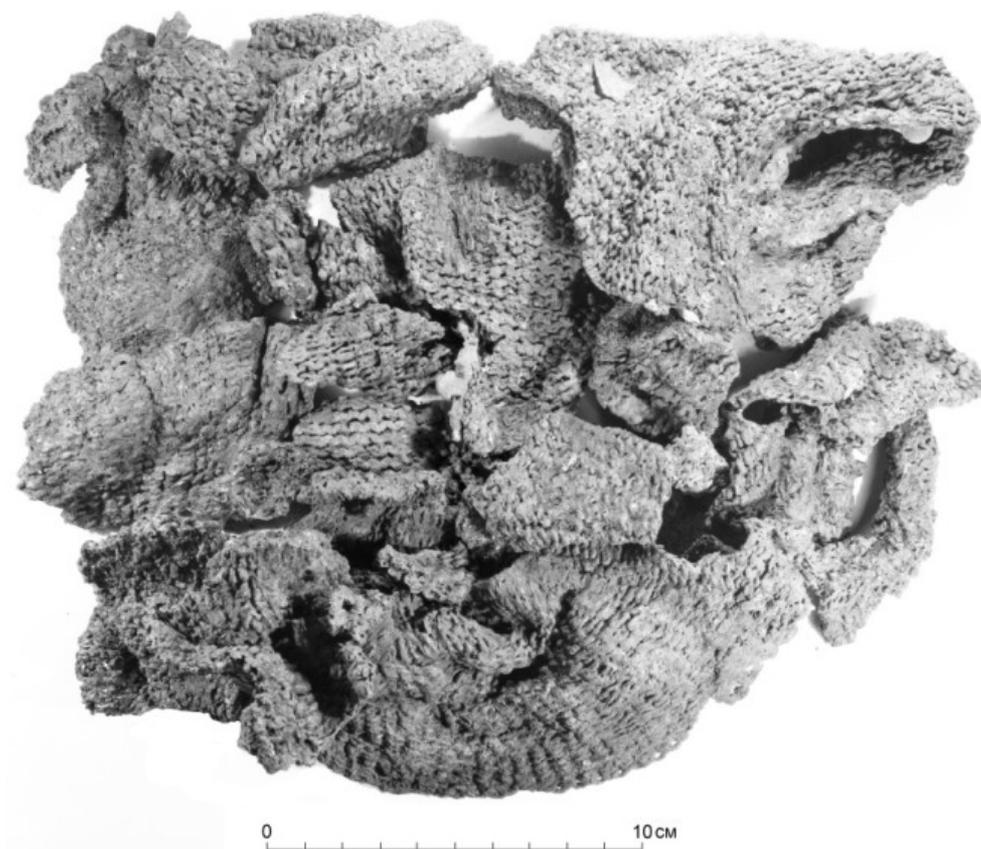

Рис. 5. Кольчуга из раскопок Шепетовского городища, фото по негативу из архива ИИМК РАН (П 78842)

Рис. 6. Крест-энколпион в толще спекшегося куска кольчуги из раскопок Шепетовского городища, фото К. А. Михайлова

иконографически — Распятие на крестах большего размера изображено с рельефным выделением поперечной перекладины Крестного древа. Эта особенность отчетливо видна и на рассматриваемом нами кресте. Немногие типологически близкие аналогии таким створкам происходят из Среднего Поднепровья, в частности из Канева и Девичь-горы близ Сахновки, и из территориально близких Шепетовскому городищу Дорогобужа и Городска, известны такие находки также в Новгородке и Великом Новгороде (Корзухина, Пескова 2003: 124, № 62; 129, № 13; 130, № 30; 118–119, № 13; 121, № 40; 118, № 5; табл. 67–68, 72).

В целом в результате раскопок на Шепетовском городище, как уже упоминалось, была собрана большая коллекция древнерусских крестов-реликвариев, всего свыше сорока экземпляров, включая фрагментированные. Крестов интересующей нас в данном случае группы III.2.4 было обнаружено семь экземпляров, в том числе крест из комплекса «витязя» и шесть однотипных экземпляров немного меньшего размера (Корзухина, Пескова 2003: 128–129, № 7–12). Это сопоставимо по количеству с найденными здесь же энколпионами группы VII.1.1 с обращением «Святая Богородица, помогай» — восемь экземпляров, не считая мелких фрагментов (Корзухина, Пескова 2003: 196–197, № 22–29, табл. 121–122, 135), в меньшей степени с борисоглебскими рельефными и рельефно-черневыми энколпионами, группа III.1.1 и III.2.1 — вместе пять экземпляров (Корзухина, Пескова 2003: 111–112, № 3–6, табл. 61), а также с рельефными энколпионами среднего размера с изображениями Распятия и Богоматери Одигитрии со святыми в боковых и верхних медальонах, группа II.1.1 — три целых экземпляра и три фрагмента (Корзухина, Пескова 2003: 64–65, № 20–24, табл. 21). Другие типы крестов-реликвариев, в том числе и более крупные или очень редкие, такие как крест, украшенный перегородчатой эмалью, представлены в городищенской коллекции единичными экземплярами.

Столь значительное количество находок нагрудных крестов-реликвариев на одном древнерусском поселении находит объяснение, с одной стороны, в крупномасштабном, почти тотальном исследовании памятника. С другой стороны, напрашивается параллель с необычайно большим количеством и разнообразием предметов вооружения, найденного при раскопках городища (напомним, свыше 1500 экз.), свидетельствующем, по мнению А. Н. Кирпичникова, о присутствии в этом укрепленном городке значительной прослойки профессиональных воинов (Кирпичников 1966–1967: 95). В связи с этим бросается в глаза и значительное количество находок борисоглебских энколпионов (больше, чем на каком-либо другом памятнике). Находка энколпиона в складках кольчуги «витязя» подкрепляет уверенность, что этот параллелизм далеко неслучаен. Очевидно, ношение нагрудных крестов-реликвариев было важным элементом воинской субкультуры в древнерусском обществе XIII в.

В заключение хотелось бы отметить, что настоящей публикацией мы стремились пополнить базу данных в отношении ряда предметов оборонительного вооружения древнерусских воинов из раскопок Шепетовского городища, в первую очередь изобразительными материалами, и уточнить обстоятельства их обнаружения. Данная категория находок всегда вызывала повышенный интерес у оружейников, но была издана очень кратко. Это связано с тем, что шестьдесят лет назад А. Н. Кирпичников, по независящим от него причинам, не мог полностью опубликовать вооружение городища, и находки защитного вооружения так и оставались плохо известными специалистам.

Литература

- Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: АН УССР, 1950. 217 с.
- Каргер 1959 — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Ленинградского Гос. университета им. А. А. Жданова в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2071.
- Каргер 1965 — *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1964 гг. // Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М.: Наука, 1965. С. 39–41.
- Каинов, Кулешов 2014 — *Каинов С. Ю., Кулешов Ю. А.* Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // SP. 2014. № 6. С. 83–98.
- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. I: Мечи и сабли IX–XIII вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1966. 147 с. (САИ. Вып. Е1-36).
- Кирпичников 1966–1967 — *Кирпичников А. Н.* Оружие древнего Изяславля (неопубликованная рукопись из личного архива). СПб., 1966–1967.
- Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. III: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 92 с., 28 л. ил. (САИ. Вып. Е1-36).
- Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 427 с. (Труды ИИМК РАН. Т. VII).
- Кулешов 2009 — *Кулешов Ю. А.* Новая находка боевой маски на территории Российской Федерации // Acta Militaria Mediaevalia. 2009. T. V. С. 165–173.
- Кулешов 2009а — *Кулешов Ю. А.* Об одном аспекте изучения восточноевропейских позднесредневековых антропоморфных масок-забрал // Наумов А. Н. (отв. ред.). Верхнее Подонье: природа, археология, история. Вып. 4. Тула: Куликово поле, 2009. С. 156–160.
- Кулешов 2014 — *Кулешов Ю. А.* Еще раз о фигурноформленных фиксаторах восточноевропейских антропоформных масок-забрал // Бупцев Е. Г. (сост.). Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула: Куликово поле, 2014. С. 195–202.
- Миролюбов 1983 — *Миролюбов М. А.* (сост.). Древнерусский город Изяславль. Каталог выставки. Л.: ГЭ, 1983. 63 с.
- Негин 2013 — *Негин А. Е.* Шлем из Городца. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ, 2013. 97 с.
- Никитенко и др. 1985 — *Никитенко М. М., Осадчий Е. И., Полегайлов А. Г.* Древнерусское жилище в г. Изяславль Хмельницкой области // СА. 1985. № 1. С. 270–274.
- Никитенко 1999 — *Никитенко М. М.* 1999. Летописный Изяславль на реке Горыни // Князевская Т. Б. (сост.). Памятники культуры. Новые открытия. 1998. М.: Наука, 1999. С. 547–552.
- Спиргис 2017 — *Спиргис Р.* Паломнический контекст находок перламутровых крестиков XIII–XVII вв. на территории современных Латвии и Литвы // Мусин А. Е. (отв. ред.). В камне и в бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 561–582 (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).